

Глава 20

Что за нелепица.

Линь Суе мысленно воззвал к небесам.

Сяо Цзю, ощутив нарастающее давление, от которого её виртуальные схемы едва не пошли искрами, предпочла благоразумно сжаться в комок и забиться в самый дальний угол сознания носителя.

Сюй Сяннань, мгновенно осознав ситуацию, преобразился на глазах. Его лицо, еще секунду назад сиявшее радостью, помрачнело, а приветствие прозвучало так, словно он выплевывал битое стекло:

— Учитель Шэнь, какая встреча.

— И впрямь, на редкость удачная, — отозвался Шэнь Хуэйцы, не оборачиваясь. — Кто бы мог подумать, что мир настолько тесен... Не так ли, братец Сяо Е?

Последние слова он произнес с такой ядовитой интонацией, что у Линь Суе по спине пробежал холодок. Особенно это «братец Сяо Е» — из уст киноимператора оно звучало как изощренное издевательство.

Линь Суе попытался незаметно отодвинуться к краю дивана, надеясь ускользнуть из эпицентра этой странной бури. Однако диван был невелик, и Шэнь Хуэйцы занимал противоположный его конец, что дало Сюй Сяннаню отличную возможность. Юноша, облаченный в черную кожаную куртку и увешанный массивными аксессуарами, ни мгновения не колеблясь, вклинился прямо между ними.

Звякнув многочисленными цепочками, он сел, окончательно лишив Линь Суе пространства для маневра.

Атмосфера стала еще более гнетущей.

— Учитель Шэнь, позвольте полюбопытствовать, сколько вам лет? — Сюй Сяннань нанес удар без предупреждения. — Может, не стоит так фамильярничать?

У Шэнь Хуэйцы едва заметно дернулся уголок рта.

— Не лезь не в свое дело, — бросил он с холодным сарказмом. — Помалкивал бы лучше, малолетний сопляк, которому даже до брачного возраста еще расти и расти.

Воздух в маленькой гримерке, казалось, вот-вот взорвется от переизбытка агрессии. Единственным, кто сохранял видимое спокойствие, был Чэнь Сянь. Поскольку места на диване для него не осталось, он с недоуменным видом примостился на пластиковом стуле перед зеркалом.

— Вы что, все знакомы? — подал он голос.

Шэнь Хуэйцы одарил его улыбкой, за которой скрывался острый клинок:

— О, более чем. Мы даже весьма близки, не так ли, директор Линь?

Линь Сую замялся.

Что он должен был на это ответить? После того как человек проделал такой путь, чтобы позаботиться о нем во время болезни, заявить, что они «почти не знакомы», было бы верхом неблагодарности.

— М-м... да, мы в хороших отношениях.

— Братец Сяо Е, — внезапно подал голос Сюй Сяннань, пододвигаясь к нему еще ближе, — а когда ты снова найдешь время, чтобы покатать меня на мотоцикле?

...Что этот парень несет? Он сделал это нарочно или по глупости? Неужели не понимает, что сейчас не самый подходящий момент для подобных воспоминаний?

Или он просто катастрофически не умеет читать атмосферу?

В душе Линь Сую воцарилось полное смятение. Однако Сюй Сяннань смотрел на него с таким искренним ожиданием, будто и впрямь просто интересовался планами на будущее.

Где-то рядом раздался тихий, ледяной смешок. Линь Сую, чувствуя, как немеет загривок, даже не рискнул обернуться. Решив, что лучшая тактика — это бегство, он решительно поднялся и подошел к Чэнь Сяню.

— Господин Чэнь, добрый день. Не уделите ли мне минуту, чтобы обсудить возможное сотрудничество?

Чэнь Сянь растерянно поднял голову, не понимая, почему огонь чужого внимания внезапно перекинулся на него:

— Какое еще сотрудничество?

— У меня в работе сейчас несколько проектов. Не согласитесь ли вы исполнить саундтреки к нашим новым сериалам?

Линь Сунь протянул ему визитку. Пробежав глазами текст на карточке, Чэнь Сянь понимающе протянул:

— А, так это вы. Шэнь Хуэйцы постоянно о вас твердит.

Будучи человеком прямолинейным, он добавил:

— Рассказывал, как при первой встрече вы окатили его выхлопными газами своего байка.

...

Похоже, в этой комнате нашелся кто-то еще более бестактный, чем Сюй Сяннань. Остался ли здесь хоть один нормальный человек?

Уголки губ Сюй Сяннана поползли вверх. Победно вскинув бровь, он прошептал так, чтобы слышал только его соперник:

— Учитель Шэнь, похоже, ваша «близость» сильно преувеличена?

Лицо Шэнь Хуэйцы потемнело, словно на него пролили тушь.

— А меня он катал, — продолжал юноша. — От него пахнет кедром... потрясающий парфюм.

— Хм, — Шэнь Хуэйцы вальяжно откинулся на спинку дивана, закинув ногу на ногу. — И это всё, на что ты способен?

Он вспомнил алые отметины от зажимов для рубашки и то ощущение тепла, которое осталось на ладони после той ночи в Ганчэне. Пальцы невольно сжались, будто желая вновь ощутить прикосновение к чужой коже. Делиться этими личными воспоминаниями он, разумеется, не собирался. Смягчив выражение лица, он невозмутимо произнес:

— Наше общение длится куда дольше и глубже, чем ты можешь себе представить.

— Вы просто встретились раньше, вот и всё, — не сдавался Сюй Сяннань.

— А ты просто пользуешься преимуществом своего нежного возраста, малыш...

Линь Суе, увлеченный беседой с Чэнь Сянем, даже не слышал этих препирательств. Переговоры шли на удивление гладко: вопрос, который отдел кино и телевидения не мог решить годами, утрясся за считанные минуты.

Когда обсуждение подошло к концу, Чэнь Сяню пришло время готовиться к выходу — Сюй Сяннань выступал сразу за ним. Все четверо направились в зал.

Билеты для Линь Суе и Шэнь Хуэйцы были из одной брони, так что их места оказались рядом. Стоило им сесть, как чувство неловкости нахлынуло с новой силой. Директор Линь замер, глядя строго перед собой и боясь пошевелиться.

— Так, значит, мотоцикл директора Линя все-таки приспособлен для пассажиров?

...Кто бы сомневался, что он это припомнит.

— В то время мы еще не были так близки.

— Разве ты только что не сказал Сюй Сяннаню, что вы тоже почти не знакомы?

В зале гремела музыка, перекрывая гул голосов. Шэнь Хуэйцы наклонился ближе. Голос, доносившийся из-под маски, был пропитан влажным теплом и какой-то пугающей нежностью:

— Директор Линь, ты несправедлив ко мне.

— К тому же он называет тебя «братец Сяо Е».

Линь Суе почувствовал, как горят кончики ушей. Он осторожно отстранился:

— Я не запрещал тебе называть меня так же.

Шэнь Хуэйцы даже не шелохнулся, подавшись вперед еще на дюйм:

— Я старше тебя, разве это будет уместно?

— И как же ты хочешь меня называть? — Линь Суе метнул в него недовольный взгляд.

— Любое имя подойдет?

— ...Только без фанатизма.

Шэнь Хуэйцы, глядя на его покрасневшее ухо, нашел это зрелище невыразимо милым. Сдерживая улыбку, он спросил:

— «Без фанатизма» — это как?

— Сам знаешь.

Не желая перегибать палку, актер смягчил тон и предложил вполне нейтральный вариант:

— Сяо Е. Идет?

Сяо Цзю, наблюдавшая за этой сценой, пришла к выводу, что Шэнь Хуэйцы — мастер интриг. Он выбрал обращение, которое звучало двусмысленно, но к которому невозможно было придраться. Это выделяло его среди друзей и родственников носителя, делая его обращение уникальным. А главное — оно не имело ничего общего с тем, как его называл Сюй Сяннань.

У юноши акцент был на слове «братец», что подчеркивало близость, но лишало её романтического подтекста. Вариант же Шэнь Хуэйцы отдавал чем-то неопределенным и интимным.

«Один — мастер манипуляций, другой — коварный стратег!» — возмущенно констатировала система.

— ... — Линь Сие хотел было возразить, но это имя и впрямь не выходило за рамки приличия. Поняв, что проиграл в этом споре, он лишь буркнул: — Как хочешь.

— Сяо Е.

— ...

— Сяо Е.

— ...Да что тебе нужно? — Линь Сие воззрился на него.

Учитель Шэнь, явно довольный новым правом, улыбнулся:

— Просто проверяю, как звучит.

В итоге, увлекшись, он совершенно позабыл о цели своего визита. У него скоро выходил новый проект, к которому Чэнь Сянь записал саундтрек. Сегодня должна была состояться премьера песни, и Шэнь Хуэйцы пришел, чтобы подогреть интерес к сериалу и сказать пару слов после

выступления.

Когда на огромных экранах внезапно появилось лицо киноимператора, он всё еще замороженно повторял: «Сяо Е, Сяо Е...»

Линь Суе опомнился только тогда, когда по залу прокатилась волна оглушительных криков. Подняв глаза, он увидел, что их с Шэнь Хуэйцы фигуры транслируются на весь стадион.

По иронии судьбы предыдущий исполнитель пел балладу о любви, и операторы настроили камеры на поиск пар в зале. Экран украсила рамка в форме сердца, внутри которой кружились розовые пузырьки. И в самом центре этого сердца оказались они вдвоем. Гул в зале был такой, что едва не сорвало крышу.

— Шэнь Хуэйцы! — Линь Суе, сгорая от стыда и гнева, закрыл лицо рукой и прошипел его имя.

Актер наконец понял, что происходит. Впрочем, он был мастером перевоплощения: не выказав и тени смущения, он невозмутимо поднялся и поприветствовал публику. Взяв заранее приготовленный микрофон, он профессионально проанонсировал новый проект, а напоследок даже позволил себе пошутить, что рамка на экране добавила моменту нужной атмосферы.

Когда он снова сел, Линь Суе твердо решил игнорировать его до конца вечера. Краска стыда залила его шею, доходя до самых ключиц.

— Прости, я правда не нарочно, — вполголоса извинился Шэнь Хуэйцы. — Совсем об этом забыл.

Молодой директор Линь, скрестив ноги и подперев голову рукой, намеренно отвернулся, всем видом показывая, что не желает иметь с ним ничего общего.

— Ну не дуйся, Сяо Е. Посмотри на меня.

— Исчезни, — глухо отозвался Линь Суе. — Видеть тебя не хочу.

Шэнь Хуэйцы подавил острое желание прижать руку к сердцу. Он чувствовал, что пропал окончательно: как этот человек умудряется быть таким очаровательным в любом настроении?

Директору Линю этого показалось мало, и он, нахмурившись, добавил:

— Ты меня раздражаешь.

— Только не раздражайся, — Шэнь Хуэйцы, ничуть не задетый этими словами, лишь

утвердился в мысли, что Линь Суе сейчас напоминает кота, которому наступили на хвост. Улыбнувшись, он наклонился ближе. Его шепот коснулся уха, словно легкое перышко: — Я виноват, признаю.

— Только не сердись на меня, Сяо Е. Не надо меня ненавидеть.

Линь Суе, видя, что тот заходит слишком далеко, перебил его:

— С чего ты взял, что я тебя ненавижу?

«Отлично. Раз не ненавидит — значит, любит?»

— Тогда... — он придал голосу напускное безразличие. — Я ведь нравлюсь тебе хоть чуточку больше, чем Хо Хэн или Ань Ци?

При упоминании этих имен во взгляде Линь Суе промелькнуло нескрываемое отвращение. Он нахмурился:

— Ты можешь не сравнивать себя с ними?

— А как насчет Мо Гуаньци или того длинноволосого парня?

...

Линь Суе отвел взгляд:

— ...И с ними тоже не сравнивай.

Такой ответ не стал для Шэнь Хуэйцы неожиданностью. Он задумчиво постучал пальцем по колену и лениво протянул:

— Ну, а если сравнить меня с Сюй Сяннанем? Кто из нас тебе милее?

«Этот интриган всё-таки докопался до сути», — прокомментировала Сяо Цзю. Весь этот долгий разговор был затеян ради одного-единственного вопроса.

Линь Суе искренне не понимал:

— Да чем он тебе так не угодил?

— Молчи уже, — свет в зале внезапно погас, и Линь Суе жестом велел спутнику замолчать, прерывая бесконечный допрос. — Не отвлекай меня, я хочу посмотреть выступление.

Шэнь Хуэйцы так и не получил ответа. В наступившей темноте улыбка медленно сползла с его лица. Он с такой силой сжал ткань брюк, что побелели кончики пальцев.

Все прожекторы сошлись в центре сцены, и на платформе медленно поднялся Сюй Сяннань. Только сейчас Линь Суе заметил, что рядом с ним сидит преданная фанатка рыжего айдола: увидев кумира, девушка вскинула световую панель и издала восторженный вопль.

Теперь стало ясно, почему она даже не шелохнулась, когда на экране появился Шэнь Хуэйцы — её взоры были прикованы только к одной звезде.

Сюй Сяннань выбрал для выступления свою первую авторскую песню на английском языке, которая идеально подчеркивала его образ. Тяжелые удары барабанов отдавались в самом сердце, мгновенно заводя толпу. Стоило зазвучать первым аккордам, как зал взорвался от восторга.

Лучи прожекторов рассыпались, оставив лишь единственный поток холодного синего света, косо пересекающий сцену. Сюй Сяннань стоял на границе тени, прикрыв глаза. Его огненно-рыжие волосы пылали в свете ламп, отбрасывая блики на сосредоточенное лицо.

Как истинный «центр» группы, он выступал вживую, сочетая сложнейшую хореографию с безупречным вокалом.

Линь Суе смотрел очень внимательно. Он пришел сюда как гость и честно исполнял свою роль, не отвлекаясь ни на миг. Любые попытки учителя Шэня возобновить разговор он решительно пресекал. Брошенный на произвол судьбы Шэнь Хуэйцы пребывал в глубоком унынии, коря себя за то, что в детстве не послушал госпожу Сюй Минчжу и отказался от уроков танцев и пения.

Выступление пролетело на одном дыхании. Линь Суе вынужден был признать: фанаты не зря называли Сюй Сяннаня королем сцены — он был рожден для этого.

Низкий, обволакивающий голос в сочетании с юношеской легкостью создавали невероятный эффект. Агрессивная красота и четкость движений сливались в единое целое. На финальном аккорде камера запечатлела его в эффектной позе: откинув голову, он резким движением убрал волосы со лба, и бриллиант в его ухе вспыхнул в свете софитов. Тяжело дыша, юноша склонился в глубоком поклоне.

Сидящая рядом девушка разрыдалась, не в силах сдержать эмоций. Линь Суе, несколько растерявшись, вытащил из кармана бумажный платок и протянул ей.

— С вами всё в порядке?

Девушка прижала платок к лицу и, всхлипывая, пробормотала:

— Наконец-то... Он наконец-то вернулся. Я думала, он больше никогда не выйдет на сцену.

— Ну что вы, — попытался утешить её Линь Сунь. — Конечно, выйдет. Он ведь живет сценой.

— Нет... — девушка рыдала всё сильнее. — Раньше...

Она не договорила, и Сяо Цзю поспешила восполнить пробел:

— На последнем концерте группы у Сюй Сяннаня возникли проблемы с микрофоном. Прямо во время выступления раздался оглушительный скрежет, после чего он сорвал голос. Шоу было безнадежно испорчено.

— Вроде бы пустяк, но поговаривали, что это была диверсия кого-то из участников группы. У Сюй Сяннаня после этого развилась настоящая психологическая травма.

Линь Сунь задумчиво опустил взгляд. Интриги шоу-бизнеса не были для него новостью, но он привык к столкновениям артистов с капиталом. То, что вражда между товарищами по команде может зайти так далеко, оказалось для него неожиданностью.

Шэнь Хуэйцзы наклонился к нему и тихо спросил:

— О чем задумался? Выступление окончено, может, пойдем поужинаем?

Линь Сунь, погруженный в свои мысли, ответил машинально:

— Думаю о Сюй Сяннане.

?

О ком?!